

Кушнерук С.Л.
Челябинск, Россия

ОБРАЗ ПРЕЗИДЕНТА –
ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА РОССИИ:
ТЕКСТОВЫЕ МИРЫ ПРЕССЫ,

АДРЕСОВАННОЙ ЗАРУБЕЖНЫМ ЧИТАТЕЛЯМ
УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье обсуждаются способы конструирования образа российского президента в прессе, адресованной зарубежным читателям. Исследование проводится в рамках теории текстовых миров. Отстаивается точка зрения, в соответствии с которой переключения в деиктические производные миры способствуют пониманию текущей политической ситуации в терминах недавнего прошлого. Формирование позитивного образа главы российского государства осуществляется посредством обращения к универсально-прецедентным знаниям, входящим в когнитивную базу большинства представителей мировой цивилизации.

Ключевые слова: образ президента, текстовые миры, деиктические производные миры, прецедентные знания

Сведения об авторе: Кушнерук Светлана Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент Челябинского государственного педагогического университета.

Место работы: Челябинский государственный педагогический университет.

Контактная информация: e-mail: Svetlana_kush@mail.ru.

Kushneruk S.L.
Chelyabinsk, Russia

THE IMAGE OF THE PRESIDENT
AS RUSSIA'S VISITING CARD:
TEXT WORLDS ADDRESSED
TO FOREIGN READERS

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article explores the methods of constructing the image of Russia's President in the press addressed to foreign readers. The research is carried out within the framework of Text World Theory. The argument is that deictic world-switches enable foreign readers to understand the current political situation in Russia in terms of the recent past. The construction of the positive image of Russia's President is facilitated by the use of the precedent knowledge (facts, names, texts well-known to the majority of the world civilization).

Key words: the image of Russia's President, text worlds, deictic world-switches, precedent knowledge

About the author: Kushneruk Svetlana Leonidovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of Chelyabinsk State Pedagogical University.

Place of employment: Chelyabinsk State Pedagogical University.

С обновлением познавательных установок, определяющих принципы и методы лингвистических исследований, зарубежные и отечественные ученые сходятся во мнении, что симбиоз разных научных дисциплин создает комплексную методологическую основу для новых изысканий. В авангарде западной научной мысли теории, совмещающие достижения различных исследовательских программ (E. Lahey, J. Gavins, L. Hidalgo Downing, E. Semino, P. Stockwell, P. Werth).

Теория текстовых миров, в рамках которых мы проводим настоящее исследование способов конструирования образа российского президента, возникла в результате интеграции эвристик философии, логики, лингвистики текста, когнитивной психологии и теории литературы. Концепция учитывает роль контекстуальных факторов в лингвистическом анализе и предлагает их систематическое описание для создания общей теории текста и дискурса [Werth 1999]. Центральным в обсуждаемой теории является понятие текстового мира, который определяется как «контекст, сценарий или тип реальности, возникающий в нашем сознании при чтении текста» [Semino 1997: 1].

Терминологическим прототипом «текстового мира» называют понятие «возможный мир», введенное немецким философом Г. Лейбницем. В соотношении возможного и действительного идея возможного признана им более

фундаментальной, чем идея действительного. Действительный мир, по Лейбницу, есть наилучший из возможных миров. Лейбницевское понимание лежит в основе классической теоретико-множественной математики, а также господствует в семантике возможных миров.

«Возможный мир» является категорией модальной логики и используется для установления истинности/ложности модальных высказываний. По мнению Я. Хинтикки, возможный мир интерпретируется как возможное положение дел или возможное направление развития событий по отношению к субъекту, находящемуся в мире реальном, который свое реальное «я» проецирует в иные мыслительные пространства [Хинтикка 1980: 38]. Перешагнув границы логико-философских работ, теория возможных миров начинает получать развитие и в отечественном языкознании и литературоведении (А.П. Бабушкин, Вяч.Вс. Иванов, Ю.С. Степанов, Н.В. Черемисина, А.Д. Шмелев; детальный обзор см. [Бабушкин 2001]).

Семантика возможных миров в аспекте лингвистического исследования понимается как ментальный мир, материализованный в языковом знаке. Текст представляет собой ментальный конструкт, «когнитивный коррелят знания, которое содержится и активируется текстом в употреблении» [de Beaugrande 1980: 24]. Такое видение сопряжено с замещением принципов логики (логической необходимости и логической

возможности) когнитивными принципами, более созвучными с процессами текстопорождения и понимания, которые учитывают факторы переработки текста адресатом, а также внутренней организации текстового мира.

Идеи теории возможных миров приобретают широкую дискурсивную перспективу в модели текстовых миров, предложенной П. Вертом [Werth 1999]. Синтезируя концепции формальной семантики, когнитивной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон) и ментальных пространств (Ж. Фоконье), голландский ученый приходит к пониманию того, что любой подход к языку в отрыве от контекста обречен на провал.

Он предпочитает использовать термин «дискурс», признавая, что объяснение языковых процессов должно осуществляться с учетом вербального и ситуативного контекстов вокруг языкового события. Именуемая когнитивно-дискурсивной грамматикой (*Cognitive Discourse Grammar*), концепция становится альтернативной по отношению к традиционной генеративной грамматике, ограничивающейся изучением текста на уровне предложений, каждое из которых анализируется независимо от контекста и пользователя.

Рассматривая язык сквозь призму человеческого опыта, П. Верт понимает дискурс как «намеренную совместную деятельность продуцианта и реципиента, направленную на выстраивание «мира», в котором соответствующие пропозиции связаны и имеют смысл» [Werth 1999: 51]. *Намеренная*, потому что дискурсы (кроме патологических случаев) создаются с конкретной целью. *Совместная* указывает на наличие двух сторон – продуцианта и реципиента, которые вносят обоюдный вклад в производство и понимание дискурса. Роль реципиента не сводится к пассивному наблюдению, превращая его в активного участника двустороннего процесса. *Пропозиции связаны*, если они соответствуют контексту. *Пропозиции имеют смысл*, когда они дейктически закреплены, то есть относятся к миру, изображенному дискурсом.

В пику последователям Н. Хомского Верт признает наличие концептуального фона, значимого в процессах переработки информации. Ему соответствует текстовый мир (термин заимствован из работ Т. ван Дейка и Я. Петофи [van Dijk 1977]). Текстовый мир представляет собой «дейктическое пространство, первоначально определяемое самим дискурсом, а затем более специфическими дейктическими и референциальными элементами» [Werth 1999: 51]. Названные элементы являются строительным каркасом текстового мира. Они очерчивают его пространственные границы, фиксируя в определенном месте, – реальном или воображаемом, новом или знакомом. В целом, число значимых характеристик языковых ситуаций П. Верт сводит к следующим [Werth 1995: 183–184]:

1. Место.
2. Время.
3. Действующие лица.
4. Объекты.

Место и время могут эксплицироваться различными языковыми средствами. Дж. Гевинс классифицирует пространственные дейктики, выделяя локативы (*in Sheffield, downstairs, abroad*), пространственные наречия (*here, there, far away*), демонстративы (*these, those, that*), глаголы движения (*come, go, run away*). Исследовательница подчеркивает, что время часто концептуализируется как пространственный феномен. К числу средств, устанавливающих временные параметры, относятся локативы (*in ancient times, three months ago, in future years*), наречия времени (*today, yesterday, tomorrow*), а также варьирование временем и аспектом (*I'm still getting cravings now, even though I gave up smoking years ago*). Дейксис не ограничивается указанными категориями, в строительном арсенале имеются личные местоимения (*I, she, you, it*), определенный артикль и определенная референция в целом (*the dog, Fido*) [Gavins 2007: 36–37].

Место и время являются первостепенными, но не единственными строительными параметрами текстового мира. *Действующие лица* включают *участников и персонажей*. Используя термин *участники*, мы характеризуем коммуникантов дискурсивного мира, подразумевая прежде всего говорящего (отправителя) и слушающего (получателя). Наличие, по крайней мере, одного говорящего / пишущего и одного слушающего / читающего – обязательное условие существования дискурсивного мира, поскольку именно участники коммуникации определяют характер взаимодействия. Каждый из них имеет личный культурно-детерминированный опыт. Апеллируя к тем или иным фоновым знаниям, коммуниканты вносят часть «багажа» личного опыта в каждое языковое событие. Такой «груз» не отягчает условий коммуникации, а задает параметры дискурсивного мира, оказывая влияние на выбор используемых языковых средств, предопределяющих интерпретацию.

Прилагая обоюдные усилия, участники выстраивают текстовый мир на основе взаимодействия информации, представленной в тексте, и знаний, привнесенных в дискурсивную ситуацию каждым из взаимодействующих субъектов. В текстовом мире фигурируют *персонажи*. Некоторые из них активные исполнители, другие – пассивные наблюдатели, чье присутствие, тем не менее, осознается.

Термин *объекты* понимается широко и включает не только физические предметы, но массы, скопления, силы, а также концепты, представляющие абстрактные понятия и эмоции. Термин *сущности* становится зонтичным для обозначения персонажей и объектов, населяющих текстовый мир.

Вышеперечисленные параметры закладывают фундамент строительства текстового ми-

ра. Отклонение от любого из них ведет к созданию производного текстового мира (*subworld* в терминологии П. Верта), отличающегося неповторимой спецификой и выполняющего функции детализации представленной в исходном мире ситуации. Поскольку адресаты склонны выстраивать миры в зависимости от личного культурного опыта и их наполнение может существенно отличаться от того, что первоначально планируется отправителем, обдумывая сообщение, автор должен сконцентрироваться на том, как наилучшим образом реализовать поставленные коммуникативные цели.

Рассмотрим, как достигаются желаемые коммуникативные эффекты, на примере статьи (1) под заголовком «*Dmitry Medvedev: Russia's hi-tech president*», опубликованной в онлайн-приложении «*Russia Now*».

(1) *Every time Dmitry Medvedev meets the press, there is always the same question asked – usually by a foreign journalist – “How is your relationship with president Putin developing?” There is a million variations of asking this question, but the subtext is always the same: “When will you quarrel, at last?”*

So, two years have passed, but the predicted quarrel never materialised. The reason for that was certainly not the absence of news. On the contrary, two years of president Dmitry Medvedev's presidential term were a difficult time for the country, a time of upheavals on both domestic and foreign fronts.

The war in Georgia in August 2008, global financial crisis, several “waves” of unemployment, an upsurge of violence in North Caucasus and now two terrorist acts in Moscow do not provide a rosy background for a “quiet presidency.” In similar circumstances, in the late Eighties members of the Soviet Union's communist elite quarreled badly with each other, at a certain moment leaving the country rudderless and finally making the collapse of the Soviet Union inevitable.

Both Putin and Medvedev belong to two generations which lived through this period of Russian history, with their lives profoundly marked by the upheaval born out of a conflict inside the country's elite. They witnessed the sad end of this elite, with some of its top members, once the masters of the country, living on meager post-Soviet pensions.

Before making Medvedev his successor in 2007, Putin obviously agreed with him not to make the country a hostage to the power ambitions of two men, as it was the case between Mikhail Gorbachev and Boris Yeltsin in 1991 [...].

Being a modern man, Medvedev is trying to put technology at the service of democracy, eagerly embracing the ideas of “electronic government,” digital television and internet revolution. In fact, technology has already done important service to democracy in Russia. All cases of misconduct by state officials (“forgotten” car accidents with the participation of influential people or their relatives, abuse of powers by policemen, etc.) immediately

become topics of hot debate and video exchange on the internet, with Medvedev, himself an ardent blogger, never failing to take an action in the framework of his powers [...]. In the modern world, being a president on the internet is sometimes even more important than being the president in your own warm presidential office.

Начнем с анализа дискурсивных условий. Используемый электронный ресурс [www.telegraph.co.uk/sponsored/russianow] содержит материалы о России, адресованные зарубежным читателям. Это международный проект, созданный и поддерживаемый по инициативе «Российской газеты», который имеет одновременное распространение в США, Великобритании, Франции, Индии, Болгарии, Бразилии, Италии и Аргентине [www.rg.ru].

Важно подчеркнуть, что, по мысли инициаторов, приложение должно развеять мифы о России, создавать образ, предлагая гражданам других стран увидеть, какие обновления происходят в стране в ответ на изменения общемировой ситуации, какие они, русские, на самом деле, и каковы культурные ценности необъятной загадочной державы.

Другие параметры дискурсивного мира включают время выхода материалов (31 March 2010), виртуальные места (сайты газет, размещающих данную информацию, – *The Washington Post*, *The Daily Telegraph*, *The Economic Times* и др.), а также автора-участника – корреспондента РИА «Новости». В плане целеполагания данная дискурсивная ситуация отражает намерение автора содействовать созданию и тиражированию позитивного образа главы российского государства, идущего в ногу со временем.

Дискурсивная ситуация определяет концептуальное пространство, именуемое текстовым миром. Читатели создают ментальную репрезентацию на основе символического значения действительных и референциальных элементов текста, предоставляемых дискурсом, которые указывают на время, место, действующих лиц и объекты, присутствующие в мире, а также их характеристики и взаимоотношения. Вместе с тем, эти элементы активируют когнитивные структуры, адекватные для переработки и понимания дискурса.

Заголовок называет российского лидера «*Russia's hi-tech president*» [букв.: *hi-tech* = *high-tech* *высокотехнологичный*]. Вспоминая типологию Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон 2004], отметим использование ориентационной метафоры, благодаря которой власть, сила, высокий социальный статус ассоциируются с верхом (*high*). Вместе с тем президент осмысливается как механизм, работающий на передовых технологиях.

Базовый текстовый мир создается во временной зоне настоящего, о чем свидетельствуют формы глаголов в *Present Simple* (*meets, there is always the same question*). Хотя место

события точно не определяется, можно вывести, что оно находится в резиденции российского президента, где регулярно проходят встречи с прессой (*Every time Dmitry Medvedev meets the press...*).

Действующими лицами являются президент (*Dmitry Medvedev*), представители прессы (метонимич. *the press*), иностранный журналист (*a foreign journalist*). Значимые объекты: задаваемый вопрос (*the same question asked*). Переключение в другие текстовые миры осуществляется посредством введения пряморечных конструкций «*How is your relationship with president Putin developing?*», «*When will you quarrel at last?*».

В терминологии П. Верта, это примеры дейктических подмиров (*subworld*). По нашему мнению, приставка *sub-* в значительной степени дискредитирует избранный термин, искажая его семантику. Возникает представление о том, что каждый появляющийся текстовый мир является подчиненным (*subordinate*) по отношению к базовому, что не всегда справедливо. Критикуя Верта, Д. Гевинс предлагает термин *переключение мира* (*world-switch*), который, в сущности, отражает изменение установленных параметров текстового мира, но не называет новое концептуальное пространство. Назначение рабочего термина, как нам кажется, должно заключаться в обозначении текстового мира, образованного от другого. По этой причине мы предпочитаем пользоваться в дальнейшем термином *производный мир*.

Первое из названных переключений связано с введением очередного действующего лица (*president Putin*), второе – с ожидаемым развитием событий (*quarrel*). Происходящие изменения концептуализируются как имеющие место в этом же текстовом мире, но с акцентом на других сущностях (*relationship with president Putin*) и в иное время (использование временной формы *Future Simple*).

Как уже отмечалось, дейктические и референциальные элементы приводят в действие когнитивные механизмы, отвечающие за переработку имеющегося дискурса. Ведущими из них считаются фреймы, соотносящиеся с определенными областями опыта и знания. В нашем примере прецедентное имя *Putin* формирует фрейм, который содержит представления о бывшем президенте, а ныне премьер-министре России. Автор открывает «окно» в текстовый мир, где взаимодействуют два наиболее авторитетных в стране человека. Кратковременный переход обозначает проблему, интересующую зарубежную общественность, и прогнозирует оценку ситуации, связываемую с возможным конфликтом влиятельных сторон.

Дальнейшее изменение временных параметров базового текстового мира сопряжено со временем пребывания российского президента на своем посту (*two years have passed, two years of president Dmitry Medvedev's presidential*

term). Период характеризуется как сложное время для страны (*difficult time for the country*), время неурядиц на внутренних и внешних фронтах (*upheavals on both domestic and foreign fronts*). Милитарная метафора призвана создать дополнительный уровень концептуализации, поскольку ее переработка влечет активацию культурно-специфичных знаний читателя. В сознании реципиента смешиваются представления о беспорядках, происходящих на войне, и невзгодах, которые неизбежны в деструктивных условиях. На этом фоне образ президента насыщается значимыми деталями.

Продвижение дискурса обуславливает отклонения от базовых параметров текстового мира, что ведет к цепочке последовательных переключений в дейктические производные миры. На текстовом уровне это маркируется введением новых значимых сущностей (*the war, global financial crisis, "waves" of unemployment, an upsurge of violence, two terrorist acts*). Одновременно меняются и пространственные координаты (*in Georgia in August 2008, in North Caucasus, in Moscow*). Вместе с тем временная зона базового текстового мира остается прежней, что подтверждается использованием глагольных форм *Present Simple* и наречием времени (*do not provide a rosy background, now*).

Отметим, что автор апеллирует к феноменам, которые, благодаря широкой известности, можно считать универсально-прецедентными (*the war in Georgia in 2008, global financial crisis, violence in North Caucasus* и т.д.). Обращение к ним должно способствовать лучшему пониманию текущей ситуации в России. Автор инициирует их включение, чтобы продемонстрировать, в каких непростых условиях приходится работать лидеру российского государства.

На фоне строительных элементов дейктических производных миров действуют единицы, ведущие дискурс вперед. В теории текстовых миров эта роль отводится пропозициям, обеспечивающим функциональное продвижение. К ним относятся действия, события, аргументы, а также любые утверждения о сущностях, населяющих текстовый мир [Gavins 2007: 59-61]. Пропозиции, или мыслительные субъектно-предикатные структуры, пилютируют дискурс в нужном направлении.

Подчеркнем, что идея ссоры, раздора (*quarrel*) между нынешним и бывшим президентами России красной нитью вплетена в текстовую ткань. Фрейм ССОРА активируется впервые в связи с характеристикой отношений между Медведевым и Путиным и содержит ожидания относительно разногласий и вражды. Он модифицируется в ходе дальнейшего развития дискурса. Подтверждением этому служит анализ пропозициональных особенностей дейктических производных миров, проектируемых во временных зонах будущего, недавнего и отдаленного прошлого. Ср.: «*When will you quarrel, at last?*»; ...*the predicted quarrel never materialized*;

members of the Soviet Union's communist elite quarreled badly.

На смену недавнему прошлому приходит прошлое двадцатилетней давности. Дейктические характеристики обновляются для установления производного мира, содержащего информацию о действиях коммунистической элиты. Общие знания, закрепленные фреймом ССОРА, дополняются дискурсивно-специфичными знаниями. Меняется временной параметр (*in the late Eighties*), появляются новые персонажи (*members of the Soviet Union communist elite*) и объекты (*the country, Soviet Union*). Прецедентное название *Soviet Union* содержит фрейм, который взаимодействует с фреймом ССОРА. Текстовая обусловленность процесса интерпретации обеспечивает достаточно информации (*making the collapse of the Soviet Union inevitable*), чтобы зарубежный читатель вывел необходимое умозаключение: *раздор верхов в Советском Союзе привел к его краху.*

Проводя параллели с коммунистическим прошлым, автор стремится высветить благоприятное разворачивание событий настоящего. Это происходит по мере продвижения дискурса. Эффект присутствия российских лидеров в советском прошлом достигается благодаря обновлению концептуального ландшафта производного текстового мира посредством апелляции к прецедентным именам (*Putin and Medvedev belong to two generations which lived through this period of Russian history*). Персонажи становятся свидетелями печального конца правящей элиты, живущей на нищенскую постсоветскую пенсию (*living on meager post-Soviet pensions*). Другой ретроспективный кадр меняет дейктическую точку обзора, сдвигая временной промежуток ближе к настоящему (*Before making Medvedev his successor in 2007, Putin obviously agreed...*). Одновременно конструируется еще один производный мир, в котором фигурируют новые участники, и обновляется фактор времени (*Mikhail Gorbachev and Boris Yeltsin in 1991*).

Концептуальное расширение, возникающее вследствие обращения к прецедентным именам *Mikhail Gorbachev* и *Boris Yeltsin*, должно способствовать лучшему пониманию существующих отношений между российскими президентом и премьером. Анализ пропозициональной основы вскрывает одну из разновидностей тактики создания образа «темного прошлого» [Руженцева 2004: 131-132]. Коммуникативные действия направлены на резкое отделение пары *Putin – Medvedev* от пары *Mikhail Gorbachev – Boris Yeltsin* с целью укрепления доверия к лидерам настоящего, осознавшим ошибки правителей прошлого, за счет дискредитации последних (*Putin obviously agreed with him not to make the country a hostage to the power ambitions of two men, as it was the case between Mikhail Gorbachev and Boris Yeltsin in 1991*).

Благодаря использованию метафоры *hostage* возникают сопутствующие ассоциации со сферой криминала – людьми, захваченными бандитами или террористами и насильственно удерживаемыми с целью выполнения властями определенных требований. Дополнительный уровень концептуализации транслирует негативную оценку действий Горбачева и Ельцина. На этом фоне подчеркивается, что инициативы действующих глав не имеют целью ставить людей в тотальную зависимость и покушаться на их свободы. Они находят консенсус и не склонны выносить сор из избы (*they so far manage to find consensus or at least to keep the divisions "in the house"*).

С точки зрения обработки, калейдоскоп дейктических производных миров не представляет трудностей для реципиентов. Как отмечает Д. Гевинс, в мгновение ока читатель способен создавать множественные сети текстовых миров, не прилагая к этому серьезных когнитивных усилий [Gavins 2007: 49].

Так, из временной зоны прошлого читатель без труда перемещается в настоящее, фиксируемое формами глаголов в *Present Progressive*, *Present Perfect* и *Present Simple* (*is trying to, technology has already done, immediately become*). Формированию желательных читательских умозаключений способствует использование метафор, программирующих образ российского президента как лидера, стремящегося поставить современные технологии на службу демократии, воплотить в жизнь идеи «электронного правительства», цифрового телевидения и совершить интернет-революцию (*Being a modern man, Medvedev is trying to put technology at the service of democracy, eagerly embracing the ideas of "electronic government", digital television and internet revolution*). Метафора *revolution* вносит в базовый текстовый мир значимые коннотации, которые закрепляют представления о первом руководителе как о человеке, осуществляющем коренной переворот в жизни общества, разрушающем старые стереотипы, направляющем страну по пути высоких технологий.

Усиление аргументации в пользу инновационных перемен, происходящих под контролем президента, сопровождается сменой дейктических производных миров, открывающих сцены должностных преступлений (*"forgotten" car accidents with the participation of influential people or their relatives, abuse of powers by policemen*), и реакции президента-блоггера в рамках возможностей, предоставляемых интернетом и высоким политическим статусом (*immediately become topics of hot debate and video exchange on the internet, with Medvedev, himself an ardent blogger, never failing to take an action in the framework of his powers*). Фокусируя внимание на виртуальном местоположении (*on the internet*), автор синхронизирует сцены, сопоставление которых должно привести читателя к

выводу, эксплицируемому в заключении: *In the modern world, being a president on the internet is sometimes even more important than being the president in your own warm presidential office.*

Позитивный образ главы российского государства формируется по мере развертывания концептуального сценария, призванного продемонстрировать новаторство подходов, избираемых президентом в качестве ориентиров политической деятельности.

В результате отклонений от параметров базового текстового мира, проектируемого во временной зоне настоящего, возникают производные дейктические миры, которые вносят значительный вклад в формирование модели мира массового нехарактеризованного зарубежного читателя, отличающегося самой неоднозначной системой политических оценок в отношении российского президента.

Набор дейктических производных миров представляет короткие ретроспективные сцены, создающие ментальные образы советского и постсоветского времени, которые способствуют пониманию происходящих событий в терминах недавнего прошлого. Трансляция оценочного суждения происходит посредством апелляции к универсально-прецедентным феноменам, хорошо известным мировой общественности и поэтому, с точки зрения дешифровки, не представляющим особой сложности. Формирование желательных читательских умозаключений через обращение к фонду универсально-прецедентных знаний прогнозирует доступ-

ность обработки и понимания зарубежными читателями.

ЛИТЕРАТУРА

Бабушкин А. П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. 86 с.

Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем [Пер. с англ.; Под ред. А. Н. Баранова]. – М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приёмы в российском политическом дискурсе. – Екатеринбург, 2004.

Хинтиikka Я. Логика в философии – философия логики // Логико-эпистемологические исследования: сб. избранных статей. – М.: Прогресс, 1980. С. 36-67.

de Beaugrande, R. Text, Discourse and Process. Norwood, NJ: Ablex, 1980.

Gavins J. The Text World Theory: An Introduction. – Edinburgh University Press, 2007.

Semino E. Language and World Creation in Poems and Other Texts – Longman: London and New York, 1997.

van Dijk T. A. Text and Context: Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse – London: Longman, 1977.

Werth P. “World Enough, and Time”. Deictic Space and the Interpretation of Prose // Twentieth-Century Fiction: From Text to Context. – New York: Routledge, 1995. pp. 181-205.

Werth P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse. – London: Longman, 1999. 390 pp.

© Кушнерук С.Л., 2010